

Москва, ЮНСКО-Сити, 2003 — 1 дек. — с. 9.

Она — это "Дневные звезды", "Стакан воды", "Ты и я", "Время отдыха с субботы до понедельника". Она — это взлет Таганки, эфросовский "Вишневый сад" и цветаевско-виктюковская "Федра".

Теперь Демидова редко играет в театре, еще реже снимается в кино. Последняя роль — эпизодическая по экранному времени, но главная по наполнению: пациентка дома для умалишенных в "Письмах к Эльзе" Игоря Масленникова.

ТАГАНКА

Недавно Алла Демидова сыграла в Москве "Гамлет-урок". Говорит, что в последний раз.

Мы начали договариваться об интервью давно — чуть ли не год назад. И даже, кажется, договорились. Но встретиться смогли только в конце октября в Питере, где по стечению обстоятельств оказались одновременно. Демидова читала стихи Пушкина в Большом зале филармонии, а на следующий день, перед отъездом, должна была идти на телевизионную запись "Вечеров в Политехническом". Она любезно позволила мне вклиниться между Пушкиным и телевидением.

— Алла Сергеевна, сегодня у вас снова творческая встреча, опять записки, вопросы, всегда одинаковые... На улице солнце, а вы не пошли гулять. Вы сильно устаете или все-таки получается отгораживаться от всего этого? — Да я не отгораживаюсь, ведь это — образ, я же образ играю. Например, когда Медея играла, у меня адские боли были, но, когда выходила на сцену, они пропадали — ведь это я болею, а не Медея. Поэтому, когда слишком закрываешься и входил в образ "вопрос-ответ", становилось легче.

— Вы откровенны только в своих дневниках и книгах? — Нет, нигде.

— Вы читали вчера стихи. Как слушал зал? — Как ни странно, зал был полон, а ведь это Пушкин. Я думала, публики будет мало, но пришли, слушали, аплодировали.

— Как же не прийти? У нас мало кто читает стихи со сцены, а многие это любят. Как вы репетируете свои театральные программы? — У меня был друг, на котором я всегда их проверяла. Глазами читать недостаточно: надо читать вслух, чтобы понять, монтируется ли то или иное стихотворение с другим. Этот друг умер, к сожалению. И вот я попросила Володу (муж актрисы, сценарист Владимир Валуцкий. — О.Т.). Он говорит: "Ты с ума сошла! Я лучше лягу на диван и Пушкина сам почитаю. Или я тебе в отместку буду свои сценарии вслух читать". Многие считают так же, как он, — что легче лечь на диван и читать свои любимые стихотворения. Какие хочется, а не те, что навязывает какая-то актриса. Поэтому я, честно говоря, удивилась, чего зрители пришли. И даже их поблагодарила, чего обычно не делаю.

— Вы говорили, что сейчас совсем не работаете, не хотите.

— Да нет, работаю, сейчас отнесла в издательство книжку, которой занималась года три или четыре — "Комментарии к "Поэме без героя". Только что закончилось озвучивание у Бориса Бланка — роль Алисы Коонен в фильме "Смерть Таирова". Будет три серии для телевидения и одна для кино. Скоро — озвучивание у Кире. — Кстати, каким было ваше общение с Муратовой? Она раньше звала вас в свои фильмы? Как долго уговаривала? Я знаю, вас надо долго уговаривать...

— Я не люблю рассказывать о фильме до того, как он вышел. Но кое-какую информацию могу дать. Нет, никогда она не звала меня в свои фильмы, но однажды не то в Вильнюсе, не то в Риге в каком-то фестивале было так много чужих, что мы оказались вместе, и так вместе и держались с ней и с ее мужем Женей. Он рассказывал замечательные истории. О том, например, как, когда они не снимали и были без денег, он ездил в Польшу в шоп-туры. Я смеялась и говорила: вот это надо было снимать. Прошло этакое количество лет. "Нику" она получила, а сидела в первом ряду, погладила ее... Рената Литвинова все время, когда я с ней встречалась раньше, подначивала меня: "Вы согласились бы сняться у Кире Муратовой, если бы она предложила вам роль моей матери?". Я говорила: "Нет, не пойдет". — "А вы согласились бы сняться у меня?" — "Нет, не стала бы". Потом мне позвонили и сказали: "Кира предлагает вам почитать сценарий "Настройщик". Я говорю: ну давай.

Сценарий мне понравился очень. Хотя, надо вам сказать, такие роли я никогда не играла и не думала, что буду играть. Но в нем заложена какая-то тонкая детективная история про разность поколений. К сожалению, мне кажется, в режиссерском сценарии что-то ушло. Как при первой примерке классического платья. Посмотришь — как красиво! А когда сошьют, что-то уходит.

— Кажется, вашу героиню зовут Анна Сергеевна. Почти как вас.

— Да, ее даже сначала хотели назвать Алла Сергеевна, я сказала: как хотите. Муратова приехала в Москву, чтобы устроить общую читку, и я ее спрашиваю: "Какая она, моя героиня? Какой у нее характер?". А она отвечает: "Да играйте вы себя!" — "Кира, я играть себя не умею, я вообще никогда этого не делала! А вот в других, в таких обстоятельствах я бы по-другому говорила, по-другому бы вела себя, у меня были бы другие реакции". Она говорит: "Играйте, что хотите". И действительно, я поняла, что ей нужен типаж, и если ее типаж удовлетворяет, она всем довольна.

ОДНОЙ АКТРИСЫ

Вручение президентской премии. 2001 год.

"Дневник звезды". Рабочий момент.

— Вы нашли свой типаж? — Кажется, нашла. Мне поменяли внешность за счет парика. Я блондинка с мелкими курдюшками. И без грима. Типаж есть, но мне не хватало каких-то мелких актерских примочек. Я достаточно профессиональна. И если бы мне позволили размять роль, обрести ствол какими-то листиками, было бы лучше. Потому что там есть что играть... Но бывают ситуации, когда понимаешь, что можно сделать что-то только после первого дубля. А мне практически никогда второй дубль не давали. В первый день после первого же дубля я сказала Кире: "Мне кажется, мы что-то упустили, какой-то тонкий момент". Она меня просто не услышала. После чего я поняла, что на актерские темы разговаривать с ней не нужно. И я не помню, чтобы за целый месяц мы с ней хоть раз поговорили. Ни о роли, ни о жизни, ни о чем. Я так поняла, она не любит снимать профессионалов. И даже, может быть, не совсем умеет их снимать. Ей скучно. Она любит работать с яркими провинциальными типажками, и они, хотя бы то или нет, несут за собой свои провинциальные

В фильме "Настройщик" Кире Муратовой.

Фото из личного архива Аллы Демидовой.

твой, рассказывала мне примерно то же, что и вы. Человек выделялся — и все. Как отрезало.

— В кино так часто бывает. Я у кого-то снимаюсь, а потом мы только здороваемся, и то потому, что в Москве живем и иногда сталкиваемся. А, например, Княжковский, который снимал меня в "Ты и я", никогда не здоровался. Я ему наконец сказала: "Почему вы со мной не здороваетесь?" А он: "Боже мой! Алла! Я вас не узнал! Я ведь привык видеть вас только через глазок камеры!" И все равно потом не здоровался.

— Понравилась ли вам Одесса? Многие без ума от этого города — особенно те-

перь, когда он изменился в лучшую сторону. — Впервые я снималась в Одессе в середине шестидесятых в фильме по первому сценарию Володи Валуцкого "Комэкс" — тогда мы с ним уже были женаты. С тех пор там не была. И надо сказать, это очень красивый город. Красивые дома. Улицы покатые, со спусками к морю. Очень много зелени, что тоже хорошо для города, нет этих бесконечных московских тряпок-растяжек, которые все закрывают. Но вечером совсем нет света на улицах. Есть только на перекрестках по одной белой лампочке. Тротуары все в колдобинах. Это — одна сторона одесской жизни. Другая сторона: я почувствовала нелитературный, абсолютно ненатужный юмор. Ну например. У моей собаки гормональные изменения, абсолютно стал голенький, без шерсти, непонятно, что за порода. И одна тетка у меня спрашивает: "Это собака?" — "Да, собака". — "А какая порода?" — "Пекинес". — "Пекинес — это, значит, она из Пекина?". — "Да, из Пекина, кстати". — "Смотри-ка, китаец, а глаза русские". — Вас узнавали на улицах? — Меня никогда не узнают. Впрочем, нет, иногда. Я, например, там ходила в один и тот же магазин рядом с домом, где я жила, и продавщица говорила: "Кого-то вы мне напоминаете... Какую-то актрису — не могу вспомнить... Вы не актриса?" Я ходила к ней весь месяц. И время от времени она говорила: "Ну, может, вы все-таки актриса?" — "Да нет, что вы!" — "Вот похожи вы на эту актрису, фамилию которой я забыла". — Вы так и не рассказали? — Нет, избави бог... — А что, те, кто узнает, ведут себя некорректно? — Да нет. Но зачем это мне? — Тешить самолюбие, получать удовольст-

вие. — Да ну, что вы, самолюбие тешится другим. — А удовольствие? Вы получаете удовольствие от работы? — Поскольку я самодовольствуюсь от работы не получаю.

— Что вам сейчас больше по душе? Писать книги? — Не знаю, что мне больше по душе... Мне подарили компьютер — такой навороченный, и я его уже стала осваивать. Вообще, он мне не нравится. Но тем не менее я уже умею включать, набирать, переносить...

Вы знаете, я иду не в ногу со временем. Мне кажется, сейчас время, которое похоже на послереволюционные двадцатые годы. Видите ли, и до революции была Ермолова, и после. Но в двадцатые ходили не на Ермолову, а на площадные спектакли. Публика изменилась. Ее интересует совсем другое. Мне говорят: "Вы знаете, Алла, молодежь пошла в театр". А почему пошла? Они ходили в ночные клубы — надоело, потому что все одни и те же люди. Они ходили в... как эти дансинги назывались по-современному?

— Дискотеки. — Вот. Они ходили на дискотеки, но сколько можно. Они ходили на эстрадные концерты и шоу — одно и то же. "А мы театра не знаем! Пойдемте-ка мы в театр!" И вот они впервые в жизни идут в театр. И не знают даже, как себя вести. И театр под них подлаживается. А я ненавижу такой театр и ненавижу такого зрителя. Хотя они образованные мальчики-девочки. Театр — магия. Театр должен ужасать. Потрясать. А это все — на словесном уровне. Вот сейчас Гришковец, который очень мне понравился со своей "Собакой", я даже его выдвинула на молодежный "Триумф", выпустил новый спектакль "Осада". Но ведь есть прелесть "Всемирная история, обработанная "Сатирикеном", написанная Тэффи, Аверченко и прочими. Никто не читал. И все идет, смотрят, всем нравится. Но они не видели раннюю Таганку, не видели Смоктуновского...

— Ведь это не их вина, что они родились позже. — А я разве их виню? Я говорю про себя. Они мне неинтересны. Я-то все это видела.

— Но вы-то им интересны. — А мне не интересны они. А театр — это диалог. — Вы говорили, что не любите играть в Москве именно из-за этой, "новой" публики. — Вот, например, "Гамлет-урок" сделан не для русскоязычного зрителя, поэтому я очень многие вещи передаю через другие каналы — через интонацию, через паузы. А от пауз у нас вообще люди отвыкли в театре. Пауза — мертвая зона. И они волею-неволею слушают текст.

— Это в русской традиции — слушать текст. — Да, я ничего не говорю. — А за границей вы сейчас продолжаете играть? — Да, но мало. Мой режиссер и продюсер Теодор Терзопулос сейчас очень занят, у него много проектов в разных странах, ему сейчас не до меня. Да и мне, слава богу, тоже. Он, кстати, сейчас в Москве в Центре Мейерхольда ставит "Персов" с молодыми актерами. И говорит: "Боже мой, как они ничего не понимают! Не то, что я им объясняю, а не понимают помимо слов". Он дает гимнастику для развития диафрагмы, а наши не умеют диафрагмой работать. И он говорит: "Они с открытыми ртами меня слушают, и им скучно, а мне еще скучней".

— Вы сейчас проводите мастер-классы? — Нет, для этого нужно призвание. А мне скучно. Я нетерпеливая.

— Хотите кого-нибудь убить? — Не убить, но, во всяком случае, сказать: "Пошел отсюда вон!!!". Мне кажется, что беда многих наших молодых актеров в том, что рядом с ними нет мудрого человека, который смог бы что-то подсказать, направить на путь истинный.

— А рядом с вами был мудрый человек? — Слава богу, мне повезло. Рядом со мной всегда было много талантливых людей. Эдисон Денисов, гениальный композитор. Боря Биргер, гениальный художник. У Бори собирались Бен Сарнов, Олег Чухонцев, Булат Окуджава, играли в кукольный театр...

— Они вам что-то советовали или исподволь на вас влияли? — Да никто ничего никому не советовал! А просто все общались на равных. Попробуйте на равных с ними! Но я все-таки закончила университет, а он дает широту восприятия. Многие из них уже там... Я раньше боялась смерти, а теперь думаю: раз так много хороших людей, то уже не страшно.

Ольга ТУМАСОВА.